

Мифопоэтика романа В. Я. Зазубрина «Горы»: Эрос и Танатос

Татьяна Александровна Богумил

Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул, Россия
Контакт для переписки: tbogumil@mail.ru

Аннотация. В статье осуществлен анализ эротико-танатических образов и мотивов романа В. Я. Зазубрина «Горы» в контексте Ермакова сюжета, варьирующего общемировой сюжет о завоевании земли-женщины. Базовый для сибирского текста русской культуры Ермаков сюжет связан с традиционным мотивом «взятие города = воцарение = свадьба / насилие / блуд», причем в комбинации с мотивом «смерть мужчины от женщины / воды». Мифопоэтический анализ избранных произведений о Сибири позволил увидеть, что аналогия женщина-страна уточняется аналогией женщина-земля/вода. В рамках реализации данного архетипического сюжета речные образы Сибири (Обь, Бия) создаются при помощи обценной лексики, что может быть прочитано как реликт символического совокупления с Матерью Сырой Землей. В романе В. Я. Зазубрина о гражданской войне и коллективизации на Алтае прослеживается метафоризация гендерной поэтики посредством акватического, животного и растительного семантического кода. В произведении «половой вопрос» встраивается в т. н. магистральный сюжет (термин Л. Пинского), определяя не только индивидуальную судьбу «частного» человека, но и специфику национальной истории.

Ключевые слова: геопозэтика, сибирский текст, образ Алтая, Ермаков сюжет, Ф. М. Достоевский, В. Я. Зазубрин

Благодарности: работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда (РНФ), проект № 23-28-00496

Цитирование: Богумил Т. А. Мифопоэтика романа В. Я. Зазубрина «Горы»: Эрос и Танатос // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. Том 9. № 4 (36). С. 82–93. <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2023-9-4-82-93>

Поступила 30.04.2023; одобрена 12.09.2023; принята 19.11.2023

Mythopoetics of V. Y. Zazubrin's novel “Mountains”: Eros and Thanatos

Tatiana A. Bogumil

Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia

Corresponding author: tbogumil@mail.ru

Abstract. This article examines the erotic and thanatic imagery and motifs in V. Ya. Zazubrin's novel “Mountains” within the context of the Yermak's plot, which revolves around the universal theme of conquering the land-woman. The Yermak's plot, foundational to Siberian Russian cultural texts, is associated with the traditional motif of “capture of a city = enthronement = wedding / violence / fornication”, along with the motif of “death of a man by a woman / water”. Through a mythopoetic analysis of selected works about Siberia, it becomes evident that the analogy of woman-country is further clarified by the analogy of woman-earth/water. In V. Ya. Zazubrin's novel, which explores the civil war and collectivization in Altai, the metaphorization of gender poetics is observed through aquatic, animal, and plant semantic codes. The novel embeds the “gender issue” within the main plot, determining not only the individual fate of a “private” man, but also the specifics of national history. This study sheds light on how river imagery in Siberia, such as the Ob and Biya rivers, is depicted using obscene language, which can be interpreted as a relic of symbolic copulation with Mother Earth.

Keywords: geopoetics, Siberian text, image of Altai, Yermak's plot, F. M. Dostoevsky, V. Ya. Zazubrin

Acknowledgements: this work was financially supported by the Russian Science Foundation (RSF), project No. 23-28-00496

Citation: Bogumil, T. A. (2023). Mythopoetics of V. Y. Zazubrin's novel “Mountains”: Eros and Thanatos. *Tyumen State University Herald. Humanities Research. Humanitates*, 9(4), 82–93. <https://doi.org/10.21684/2411-197X-2023-9-4-82-93>

Received Nov. 19, 2023; Reviewed Apr. 30, 2023; Accepted Sep. 12, 2023

Введение

Задача настоящего исследования — произвести анализ эротико-танатологической образности и мотивики романа В. Я. Зазубрина в контексте ключевого для сибирского текста Ермакова сюжета, понимаемого здесь расширительно — как любой опыт общерусского и индивидуального освоения пространства Сибири.

Восходящий к архаике общекультурный параллелизм женщины и страны не мог не отразиться в литературе об освоении Сибири. Сюжет о Ермаке, начиная с XVII в., развивался в двух направлениях. Летописи задавали образ Ермака-апостола, его поход мыслился провиденциальным деянием по превращению языческой земли в христианскую. Народные исторические песни и предания моделировали Ермака как раскаявшегося разбойника, его завоевание Сибири в дар царю несло искупительное значение, поход изменил самого атамана. В фольклорной судьбе Ермака впервые реализовался весьма продуктивный для дальнейшей литературной традиции сюжет эволюции героя, обусловленной перемещением в Сибирь. Согласно наблюдениям Ю. М. Лотмана, в русской классической литературе Сибирь, будучи местом ссылки и каторги, оказывается пространством «гражданской смерти» и последующего духовного возрождения. Схема «преступление (подлинное или мнимое) — ссылка в Сибирь — воскресение» варьирует более универсальную последовательность «смерть — ад — воскресение» [Лотман, 1997, с. 723–725]. Эту идею развил В. И. Тюпа, уточнив, что Сибирь — «не inferнальный хронотоп окончательной и бесповоротной смерти, но скорее богоугодное место временной смерти: *лиминальный* (пороговый) хронотоп смертельного испытания» [Тюпа, 2002, с. 28]. Тем самым, идея преображения (себя, другого человека, пространства) лежит в основе конструирования мифологического образа Сибири.

Методологическим основанием работы является мифопоэтический подход. Намеченные лингвистические и мотивно-образные клише, характеризующие контакт человека и сибирского пространства в сексуальном ключе прочитываются как проявление мифологических архетипов.

В архаичной, фольклорной, библейской и последующей литературной традиции типично уподобление города/страны женщине (невеста, сестра, жена, мать), часто — производный от этого тождества параллелизм «взятие города = воцарение = свадьба / насилие / блуд» [Топоров, 1987; Плюханова, 1995, с. 190–199; Неклюдов, 2005, с. 367–369]. Не удивительно, что базовый для сибирского текста летописный сюжет о завоевании Сибири Ермаком в фольклоре и беллетристике XIX в. дополнился любовной интригой [Сиренко, 2009]. В устных преданиях о Ермаке завоевание Сибири соотносится с темой брака, а смерть атамана в водах реки обусловлена предательством женщины: «По-видимому, “Кучумиха старуха”, дочь сибирского князька, “сожительница-татарка” являются образами, символически персонифицирующими покоренную страну...» [Анисимов, 2005, с. 87]. Данная традиция со всей очевидностью воплотилась в поэме П. П. Ершова «Сузге» (1837), где выстраивается триада эквивалентов: «Сибирь — Сузгун — Сузге». Овладение страной Ермаком

предполагает захват неприступного города атаманом Грозой, что в судьбе царицы актуализирует свадебные мотивы, закономерно обернувшиеся похоронными [Анисимов, 2005, с. 86].

Русское освоение Сибири, как известно, определялось течением рек [Васильев, 1916, с. 17, 29]. В мифологии и мифопоэтике вода, подобно земле, может соотноситься с женским началом — материнским лоном и чревом, как порождающим, так и поглощающим [Аверинцев, 1980; Башляр, 1998]. Тем самым сюжет о завоевании Сибири Ермаком и трагической гибели атамана на пике славы отнюдь не случайно связан не только с матримонимальной, но и водной мотивикой. Тому были как реальные исторические, так и архетипические основания.

Результаты исследования и их обсуждение

Семантический комплекс, выявленный в Ермаковом сюжете («новая земля — река — женщина — секс — смерть»), являясь, по-видимому, универсальным для человеческой культуры, проявляется в текстах о Сибири любопытным, зачастую скабрёзным, образом. Так, в повести «Дядюшкин сон» (1859) Ф. М. Достоевского говорится про «здешнюю скверную речонку с неприличным названием» [Достоевский, 1982, с. 41]. Предположительно, географическим прототипом художественного образа является река Кондома — левый приток Томи, впадающий в нее возле Кузнецка (совр. Новокузнецк), где бывал писатель. «Неприличие» гидронима заключается в омографии с названием барьерного контрацептива — кондома [Сафронова, 2020, с. 239]. Примечательно, что упоминание о реке приведено в качестве аргумента для брака по расчету, предполагающего дальнейший переезд героини из провинциального захолустья в романтизированное спасительное зарубежье.

Современные авторы выражаются не столь целомудренно, как классик, прибегая, впрочем, к литературным приемам — каламбуру и рифме. Глеб Шульпяков в травелог с цитатным названием «Дядюшкин сон» (2002) дал инструкцию путешественникам: «В Горный (Алтай. — Т. Б.) надо ехать через Бийск. При въезде в этот вогнутый, как тарелка, город на берегу реки Бии следует крикнуть в окно: “Здравствуй, Бийск! И Бия-мать!”» [Шульпяков, 2005, с. 13]. Дмитрий Пригов, открывая для себя Новосибирск, восхитился Обским водохранилищем: «Проходил я вдоль Оби / Думал: мать твою *** ! — / Что за ширь и что за глыбь!» (запись от 21.11.2006 2:44 [Пригов]). Владимир «Сват» Муллов, фронтмен и автор песен барнаульской рок-группы «Территория 22», в тексте про Обь перечислил основные туристические достопримечательности реки («...где слияние Бии с Катунью», «где начинается Шамбала») и скалмбурил: «Люблю я, Обь, твою муть» ([Обь-река]). Использование обсценной лексики в приведенных примерах лишено бранной функции, как, впрочем, и эротизма. На первый план выходит экспрессия, незамутненный восторг от овладения пространством в процессе движения. Здесь уместно вспомнить гипотезу Б. А. Успенского, который возводит матерщину к культу земли и реконструирует первоначальную функцию мата — символическое совокупление с Матерью Сырой Землей [Успенский, 1994]. Глубинная ритуальная

связь человека и места карнализирована¹ в действиях завоевателей Сибири — Братства Земле**** в романе В. Сорокина «Голубое сало» (1999). Не вдаваясь в альтернативные версии генезиса мата (см., например: [Михайлин, 2010]), отметим, что вариант интерпретации известной глагольной формулы как изначально инцестуозного союза связан с мотивом обладания властью над местом (в т. ч. государством), с символикой сокровенного познания, с темой зрения/слепоты и странничества [Аверинцев, 1972]. В профанной реальности эти мотивы чаще всего объединяются в туристических практиках, естественно, в редуцированном виде.

Парадигма «новая земля — река — женщина — секс — смерть» лежит в основе отношений Прохора Громова и мертвой тунгусской шаманки Синильги в романе В. Я. Шишкова «Угрюм-река» (первая часть 1928), в редуцированном виде присутствует в рассказе В. Я. Бианки «Она» (1944), развернута в нарратив в романе В. Я. Зазубрина «Горы» (1933).

Рассмотрим подробнее функционирование обозначенной парадигмы в данном романе. Важно подчеркнуть, что в художественном мире писателя главенствует принцип синекдохи — *pars pro toto*. События у реки на Алтае изоморфны общесибирской и общечеловеческой истории: «Долина Талицы была захвачена русскими одной из последних. В меньших размерах история ее слово в слово повторила историю заселения всей страны» (с. 67)²; «... жизнь первых человеческих скоплений зарождалась здесь, в яйцевидных чашах-долинах. Отсюда людские множества начинали свое победное наступление. Человеческое море растекалось по поверхности земли, заливало все впадины, поднималось к вершинам» (с. 47). Ермаков сюжет здесь присутствует подспудно в редуцированном виде.

Восприятие гор и рек как женского начала отражено в мифологии коренных жителей Алтая: «Горы поднимались, как полные груди матери. Из каменных сосцов бежали реки со вкусом молока» (с. 54); «Охотник знал, что тайга — людям мать, когда они при разделе добычи — братья» (с. 83). «Женскость» кодируется по-разному в зависимости от точки зрения: пространство родины аборигенами ощущается материнским, в то время как для колонизаторов (продолжателей дела Ермака) присваиваемая территория аналогична эротическому объекту. История поморских переселенцев на Алтае начинается с преступлений. В долине реки Талицы Магафор зарубил топором двух своих друзей, чтобы насильно овладеть женой одного из них:

«Они двумя темными большими рыбами возились на траве, горячей и скользкой от крови. Под ними камнями перекачивались убитые. Руки их шлепали, как плавники. Ноги двумя раздвоенными хвостами бешено били землю, разметывали костер. Угли и головни летели кусками крови. Милодора обессилела и стихла» (с. 64).

¹ Термин М. Липовецкого, произведен от лат. *carnalis* — «плотский, телесный», означает индивидуально сорокинский «метод деконструкции авторитетных дискурсов, символов и культурных нарративов», заключающийся в прямом и непрямом телесном воплощении метафор, языковых норм и скрытой логики дискурса (или развоплощении в случае обратной карнализации). По остроумному замечанию автора, термин переключается с карнализацией и канализацией [Липовецкий, 2013, с. 226].

² Здесь и далее в круглых скобках указаны страницы по изданию: [Зазубрин, 2012].

Натуралистическое описание преобразуется в метафорическое, отбрасывающее человека в доисторические и даже дочеловеческие времена, а завершается возвращением в прагматичную реальность: «Утром стали рубить избу» (с. 64). Казалось бы, Миллора не может символизировать новое пространство, поскольку она тоже переселенка. Полагаем, здесь сыграла роль инерция сложившейся традиции. Кроме того, важно, что это *чужая* женщина. Очевидным образом рядом с рекой реализовано символическое тождество полового акта и захвата территории, а также двуединая (деструктивная и созидательная) функция фаллического орудия — топора. Магафор Морев «топором взял не только жену, но и деньги, и лучшую землю» (с. 67).

Роман советского писателя Зазубрина построен по мифопоэтическим моделям [Куляпин, 2019; Богумил, 2021], что проявляется, помимо прочего, в «рифме» ситуаций, коллизий и событий. Исходный микросюжет из истории русских первопоселенцев в смягченном виде дублируется в начале алтайского этапа жизни красноармейца Безуголого. После знакомства с работницей Анной герой бессознательно совершает действия, однозначно читаемые в свете психоаналитического подхода: «Он, сам не зная для чего, зашагал к реке, остановился на берегу и стал тыкать палкой в воду»¹ (с. 22–23). Описание Анны пронизано акваметафорами: «Работница быстро проходила мимо, и Безуглый чувствовал каждый раз на своем лице теплые волны воздуха и видел пестрый плеск складок ее сарафана» (с. 23). Ночью герой подглядывает за купающейся в реке женщиной: «Он увидел ее, когда она, уже раздетая, входила в воду. Низ живота у нее был темен и лохмат, как у медведицы» (с. 23). Половое влечение характеризуется как инволюционное движение вспять, к первовременам. Однако, по сравнению с предыдущим эпизодом, на этот раз человек регрессировал уже не до рыбы, а до более высокой, звериной, ступени развития: «Миллионлетья протекли с тех пор как вымерли земноводные страшилища, но сейчас, как и тогда, самец следил за самкой. <... > Ноги Анны были упруги и холодны после воды. Она не сопротивлялась» (с. 29).

Как и в первом микросюжете, соитие предваряется жестокой расправой. Агафон, внук «первоубийцы» Магафора, уничтожает разорявших пасеку медведицу с медвежонком. Безуглый не участвует в процессе, но наблюдает его. Эротическая деталь внешности Анны соотносит героиню с медведицей и намекает на финал романа, где сын Безуголого и его жена будут на грани смерти, причем ребенок пострадает от действий Агафона, а Анна от подпольного аборта, т. е. косвенно из-за мужа.

Третий раз мотивная структура микросюжета воспроизводится в описании охоты на медведей, в которой участвуют Агафон и вернувшийся на Алтай после многолетнего отсутствия Безуглый (здесь актуализируется его статус пришельца).

¹ Водная метафорика, сопровождающая эротическую ситуацию, помимо мифологических истоков, имеет конкретно-исторический генезис, связанный с концепцией «стакана воды», распространенной в советской культуре 1920-х гг. Смысл ее заключался в том, что совершить половой акт — так же просто, как и выпить стакан воды. Зазубрин к этой теории относился скептически, пародийно обыграв применение ее на практике в рассказе «Общежитие» (1923) [Проскурина, 2020, с.89].

Сначала охотники идут по следу черного медведя, выжившего в лавине. Отметим насыщенность повествования водной образностью.

«Он пробирался рыхлым снегом, скорее нырял, чем шел, и очень напоминал тюленя. На него налетела белая волна лавины. Медведь повернулся к ней мордой и лег. Его захлестнуло, но не снесло. Он исчез в снегу и вынырнул с легкостью настоящего морского зверя» (с. 75).

Далее натуралистически точно описывается медвежья свадьба: «Медведица и семь медведей ходили по круглой поляне <...> Лапы зверя топорами (ср. с первым микросюжетом. — Т. Б.) обрушивались на черепа, на ребра, на хребты соперников» (с. 76). Самка отдавалась победителю:

«Медведица поднялась, расставила задние ноги, оглянулась. Медведи вскочили с ревом. Зубы мелькнули, как белые ножи. Звери сшиблись в одну бурю кучу. Из-под ног у них полетели камни, земля, снег, шерсть. <...> Медведи кончили драку. Они стояли длинным рядом. Морды, шеи, плечи у них были окровавлены, языки высунуты. Звери дышали тяжело и жарко. Самка немного отошла от самцов и снова призывно оглянулась. Черный бросился на нее, навалился ей на спину всей грудью и животом. Она устойчивее расставила ноги. Победитель ревел и утрашая, и торжествуя» (с. 77)¹.

Затем следует сцена убийства животных охотниками, инстинкт размножения у медведя сменяет голод, не знающий моральных препятствий: «Черный остервенело тербил самку за загривок. Самка лежала без движения. Он рванул ее когтями. Она рыхло перевернулась на спину. Он разорвал у нее живот и, мгновенно опьянев от крови, стал пожирать горячие внутренности» (с. 78). Пищевая перверсия вытесняется новым инстинктом — выживания. Раненый зверь убегает, охотники не стали его преследовать.

Как видим, в сцене охоты вновь собирается комплекс мотивов: «новая земля (для Безуголого) — вода (снежное море) — женщина (медведица) — соитие — смерть». На этом витке человек уже окончательно дистанцирован от животного мира. Он не сравнивается ни с рыбами, ни с земноводными, ни с медведями. Однако участие в охоте пробуждает в Безуголом древние, первобытные, ощущения:

«Спать легли в пещере. Шкуры пахли сырой кровью. Длинная шерсть на них была пушиста и тепла. Безуглый голый бродил по песчаному берегу моря, прятался среди валунов, каменным топором бил медведей, выламывал из них костяные фаллы... нанизывал их на сухую жилу оленя и отнес в пещеру своей густоволосой самке. Она надела ожерелье. Глаза у нее раскрылись черными крыльями бабочки. Он повалил ее на мохнатое теплое ложе» (с. 81–82).

Итак, в романе встречается как минимум три эпизода, где тема чужестранца в новом для него мире раскрывается в речном/морском хронотопе через единство Эроса и Танатоса. Градус жестокости с каждым последующим витком снижается. С ходом

¹ Неприкрытый «физиологизм» случки медведей был отрицательно оценен критикой. Однако Максим Горький указал на «целомудрие подлинного искусства» [Цит. по: Проскурина, 2020, с. 130]. Согласимся с советским классиком, тем более, как писали древние, «naturalia non sunt turpia» — «естественное не безобразно».

романного времени и логики повествования, казалось бы, наблюдается эволюционный прогресс характеризующей человека метафорики: от водных чудовищ через зверя к дикарю.

Одновременно Безуглый видит вокруг себя мир, в котором «человек человеку — медведь» (с. 109). Законы частной собственности нерушимы: «В этом мире путь к обогащению был открыт каждому, кто поднимал топор и обрушивал его на голову ближнего» (с. 109). Цивилизационные достижения не отменяют захватнической и корыстной природы человека, смягчение нравов иллюзорно: «Медовуха часто была для Андрона тем же, что для Магафора топор и для Агатима денежный станок» (с. 69). Особенность романа заключается в противоречии между задуманным оптимистичным сюжетом социалистического романа и правдой жизни, в которой общественные взаимоотношения не столь однозначны, как диктует советская картина мира.

Зооморфный код романа тесно переплетается с растительным. Традиционное отождествление земли и женщины актуализируется посредством метафорического отождествления сельскохозяйственных работ и полового акта, урожая и деторождения. При этом спектр взаимодействия мужчины и женщины/земли весьма разнообразен. В годы гражданской войны на Алтае преобладает насилие:

«Мужиков в нашем аймаке головой не было, всех поприбили – кого белые, кого наши, остались одни старики да ребятишки. <...> Ночью тебе всяк хозяин. Лишь бы кто с гор спустился. Кто в борозду попал, тот и запахал, и засеял. А днем поминай как звали. Меня два раза насильничать принимались – не далась» (с. 39).

Аналогия между властью временщиков над территорией и сексуальным произволом над женщинами прозрачна.

В эпоху коллективизации конфликт между крестьянами-собственниками и политикой государства иллюстрируется также при помощи сельскохозяйственной метафоры:

«Земля, разгоряченная, потная, бесстыдная, лежала с оголенным черным брюхом. Она ждала сеятеля. <...> Андрон горестно вскрикнул:
— Пахарь пашню покинул! Земля пустует!
Безуглый <...> сквозь стиснутые зубы сказал Андрону:
— Засеем» (с. 87).

Крестьянин-собственник — пахарь и сеятель, уже не насильник, но своего рода муж и отец: «Миллионы слабеньких зеленых ножек торчали из теплой утробы матери. Андрон бережно, как живот беременной женщины, щупал землю» (с. 87). Нежный жест крестьянина повторится в движении Безуголого, его антагониста:

«Ночью Безуглый положил свои руки на живот Анне и слушал долго, как пахарь землю, потом спросил:
— Анна, ты понесла?
Анна повернулась к нему лицом.
— Пустоколосая я, Иван Федорыч.
Она горячо дохнула ему в ухо.
— Заждалась я тебя, перестоялась, ровно пашня без дождика» (с. 95).

В финале выяснится, что Анна обманула мужа. Она действительно была беременна, но сделала подпольный аборт из страха, что Безуглый опять уедет на семь лет и бросит ее одну с детьми. Боязнь женщины за свое будущее и нежелание рожать ребенка подобны опасениям крестьянина:

«Федорыч, пошто у нас жизнь какая-то дурная стала? Хозяин урожаю своему не рад. Ране думал – уродилось бы поболее, нонче думать – посохло бы, градом побило бы, пом-ха бы пала» (с. 87).

Так мотив завоевания женщины-пространства трансформировался в мотив оплодотворения и далее в мотив бесплодности. Благие начинания Безуголого и государства, которое он представляет, оборачиваются сомнениями в верности выбранного пути и горестными утратами как в личной, так и в общественной жизни.

Заключение

Таким образом, мифопоэтическая аналогия «женщина — страна» в контексте художественного дискурса об овладении человеком/государством новой сибирской территорией реализуется при помощи гендерных мотивов. Ермаков сюжет (и производные от него сюжеты) связан с семантическим тождеством «взятие города = воцарение = свадьба/насилие/блуд» и мотивом гибели героя у/от воды. Лингвистические игры авторов-путешественников, порождающие гендерные коннотации сибирских гидронимов, обнажают архаическую подоплеку как матерного слова (символическое совокупление с Матерью Сырой Землей), так и странствия (Эдипов сюжет о подлинном и ложном обладании-познании). Анализ гендерной поэтики романа В. Я. Зазубрина «Горы» (1933) показал, что пространство Алтая видится материнским сначала аборигенами, а впоследствии укоренившимися русскими. В мирное время устанавливаются полюбовные, семейно-родственные отношения между мужчиной и женщиной, государством и народом. Для пришельца же актуальна парадигма «новая земля — река — женщина — секс — смерть». Исторические конфликты порождают насилие над женщиной/страной. Тем самым в романе, как и в Ермаковом сюжете, «половой вопрос» встраивается в т. н. магистральный сюжет (термин Л. Пинского), определяя не только с индивидуальную судьбу «частного» человека, но и специфику национальной истории.

Список источников

- Аверинцев С. С. 1980. Вода // Мифы народов мира: энциклопедия. М.: Советская энциклопедия. Т. 1. С. 240.
- Аверинцев С. С. 1972. К истолкованию символики мифа о Эдипе // Античность и современность / Под ред. М. Е. Грабарь-Пассек, М. А. Гаспаров, Т. И. Кузнецовой. М.: Наука. С. 90–102.
- Анисимов К. В. 2005. Проблемы поэтики литературы Сибири XIX — начала XX веков: особенности становления и развития региональной литературной традиции. Томск: Изд-во Томск. ун-та. 304 с.

- Башляр Г. 1998. Вода и грезы. Опыт о воображении материи. М.: Изд-во гуманитарной литературы. 268 с.
- Богумил Т. А. 2021. Семантика тверди и воды в романе В. Я. Зазубрина «Горы» // Текст и контекст: литературно-культурные связи. Новосибирск: НГПУ. С. 70–80.
- Васильев А. П. 1916. Забайкальские казаки: исторический очерк. Чита: Типография Военного Хозяйственного Правления Забайкальского казачьего войска. Т. 1. 232 с.
- Достоевский Ф. М. 1982. Дядюшкин сон // Собрание сочинений. М.: Правда. Т. 2. С. 5–135.
- Зазубрин В. Я. 2012. Горы // Образ Алтая в русской литературе XIX–XX вв. Антология. Барнаул: ИД «Барнаул». Т. 3. 456 с.
- Куляпин А. И., 2019. История и миф в романе В. Зазубрина «Горы» // Литературная мифология Алтая / Е. А. Худенко, А. И. Куляпин, Т. А. Богумил, Н. И. Завгородняя. Барнаул: АлтГПУ. С. 107–114.
- Липовецкий М. Н. 2013. Сорокин-троп: карнализация // Новое литературное обозрение. № 2. С. 225–242.
- Лотман Ю. М. 1997. Сюжетное пространство русского романа XIX столетия // Лотман Ю. М. О русской литературе. СПб.: Искусство-СПб, 1997. С. 712–729.
- Михайлин В. Ю. 2010. Русский мат как мужской обценный код: проблема происхождения и эволюция статуса. Саратов — Санкт-Петербург: АИСКА. 69 с.
- Неклядов С. Ю. 2005. Тело Москвы. К вопросу об образе «женщины-города» в русской литературе // Тело в русской культуре. М.: Новое литературное обозрение. С. 361–385.
- Обь-река // Сайт «Свят. Группа Территория 22». URL: <https://svatei.com/txt.php?text=010>
- Плюханова М. Б. 1995. Сюжеты и символы Московского царства. СПб.: Акрополь. 336 с.
- Пригов Д. А. Дмитрий Александрович Пригов. Официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: prigov.ru. Доступ через бесплатный онлайн-архив некоммерческой библиотеки «Архив Интернета»: <https://web.archive.org/>
- Проскурина Е. Н. 2020. Поэтика Владимира Зазубрина: жанровые, сюжетные проекции. М.: Новый Хронограф. 208 с.
- Сафронова Е. Ю. 2020. Сибирский текст Ф. М. Достоевского. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та. 446 с.
- Сиренко О. В. 2009. Любовная интрига как структурный компонент «колониационного» сюжета русской литературы (на примере текстов XIX века о Ермаке) // Филология и человек. № 4. С. 92–99.
- Топоров В. Н. 1987. Текст города-девы и города-блудницы в мифопоэтическом аспекте // Исследования по структуре текста. М: АН СССР; Ин-т славяноведения и балканистики. С. 121–132.
- Тюпа В. И. 2002. Мифологема Сибири: к вопросу о «сибирском тексте» русской литературы // Сибирский филологический журнал. № 1. С. 27–35.
- Успенский Б. А. 1994. Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии // Избранные труды. М.: Гнозис, 1994. Т. 2. С. 53–128.
- Шульпяков Г. 2005. Дядюшкин сон. М.: Запасной выход / Emergency Exit. 160 с.

References

- Averintsev, S. S. (1980). Water. In S. A. Tokarev (Ed.). *Myths of the peoples of the world. Encyclopedia in 2 volumes.* (Vol. 1, p. 240). Soviet Encyclopedia. [In Russian]
- Averintsev, S. S. (1972). On the interpretation of the symbolism of the myth of Oedipus. In M. E. Grabar'-Passek, M. L. Gasparov, T. I. Kuznetsova (Eds.). *Antiquity and modernity* (pp. 90–102). Nauka. [In Russian]
- Anisimov, K. V. (2005). *Problems of the poetics of the literature of Siberia in the 19th — early 20th centuries: features of the formation and development of the regional literary tradition.* Tomsk State University Publ. [In Russian]
- Bachelard, G. (1998). *Water and dreams. An Essay on the Imagination of Matter.* Publishing house of humanitarian literature. [In Russian]
- Bogumil, T. A. (2021). The semantics of firmament and water in the novel by V. Ya. Zazubrin “Mountains”. In N. V. Konstantinova (Ed.). *Text and context: literary and cultural connections* (pp. 70–80). Novosibirsk State Pedagogical University Publ. [In Russian]
- Vasiliev, A. P. (1916). *Trans-Baikal Cossacks: a historical essay in 3 volumes.* (Volume 1). Typography of the Military Economic Board of the Transbaikal Cossack Troops. [In Russian]
- Dostoevsky, F. M. (1982). Uncle's dream. In F. M. Dostoevsky. *Collected works: in 12 volumes.* (Volume 2, pp. 5–135). Pravda. [In Russian]
- Zazubrin, V. Ya. (2012). “Mountains”. In *Image of Altai in Russian literature of the 19th–20th centuries. Anthology in 5 vols.* (Volume 3: 1817–1950). Publishing house “Barnaul”. [In Russian]
- Kulyapin, A. I. (2019). History and myth in the novel *Mountains* by V. Zazubrin. In E. A. Khudenko, A. I. Kulyapin, T. A. Bogumil, & N. I. Zavgorodnyaya. *Literary mythology of Altai* (pp. 107–114; E. A. Khudenko, Ed.). Altai State Pedagogical University Publ. [In Russian]
- Lipovetskiy, M. N. (2013). Sorokin-trop: carnalization. *New Literary Observer*, (2), pp. 225–242. [In Russian]
- Lotman, Y. M. (1997). The Plot Space of the Russian Novel of the 19th c. In Y. M. Lotman. *About Russian literature* (pp. 712–729). Iskusstvo-SPb Publ. [In Russian]
- Mikhailin, V. Yu. (2010). *Russian mate as a male obscene code: the problem of origin and status evolution.* LISKA. [In Russian]
- Mullof, V. (n. d.). *Ob River.* Svat. Band Territoria 22. <https://svatei.com/txt.php?text=010>
- Neklyudov, S. Yu. (2005). Body of Moscow. To the question of the image of the *woman-city* in Russian literature. In G. I. Kabakova, & F. Kont (Comps.) *Body in Russian culture* (pp. 361–385). Moscow: New Literary Review. [In Russian]
- Plyukhanov, M. B. (1995). *The plot and symbols of the Moscow kingdom.* Akropol. [In Russian]
- Prigov, D. A. (n. d.). *Dmitry Alexandrovich Prigov. Official site.* prigov.ru. Accessed through the free online archive of the non-profit library “Internet Archive” <https://web.archive.org/>
- Proskurina, E. N. 2020. *Poetics of Vladimir Zazubrin: genre, plot projections.* New Chronograph. [In Russian]
- Safronova, E. Yu. (2020). *Siberian text of F. M. Dostoevsky.* Altai State University Publ. [In Russian]
- Sirenko, O. V. (2009). Love intrigue as a structural component of the *colonization* plot of Russian literature (on the example of the 19th c. texts about Ermak). *Philology & Human*, (4), pp. 92–99. [In Russian]

- Toporov, V. N. (1987). The text of the virgin city and the harlot city in the mythopoetic aspect. In T. V. Tsivyan (Ed.). *Research on the structure of the text* (pp. 121–132). Academy of Sciences of the USSR; Institute of Slavic Studies and Balkan Studies. [In Russian]
- Турава В. И. (2002). The Mythology of Siberia: on the Issue of the “Siberian Text” of Russian Literature. *Siberian Journal of Philology*, (1), pp. 27–35. [In Russian]
- Uspensky, B. A. (1994). The mythological aspect of Russian expressive phraseology. In B. A. Uspensky. *Selected Works* (Vol. 2: Language and culture, pp. 53–128). Gnosis. [In Russian]
- Shulpyakov, G. (2005). *Uncle’s dream*. Emergency Exit. [In Russian]

Информация об авторе

Татьяна Александровна Богумил, кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы, Алтайский государственный педагогический университет, Барнаул, Россия
tbogumil@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-5166-9132>

Information about the author

Tatiana A. Bogumil, Cand. Sci. (Philol.), Associate Professor of the Department of Literature, Altai State Pedagogical University, Barnaul, Russia
tbogumil@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-5166-9132>